

Культура

Манящие омуты

Мария БАБАЛОВА

Стикс — это главная река подземного царства, семь раз опоясывающая Ад. Боги клялись Стиксом, и эта клятва считалась самой священной. Для знаменитого грузинского композитора «Стикс» — своеобразный реквием, написанный в 1999 году, где масштабные оркестр и хор и есть те души, которые Харон (альт Юрия Башмета, кому и посвящено это сочинение) перевозит через Стикс. Страстное звучание башметовского алта, мечущегося между двумя мирами, захватывает.

Спектакль Роберта Стуруа родился вовсе не из пьесы, а из партитуры Гии Канчели. На сцене действуют обычные драматические актеры, но они не произносят ни единого слова. Главное здесь — музыка, хотя она звучит не «вживую», а в записи из хриплых динамиков.

Хор поет по-грузински. Слова

не имеют определенной смысловой нагрузки, но их фонетика такова, что, кажется, их значение понятно без перевода. Артисты разыгрывают не связанные между собой этюды, в основном бытовые, даже с убийством которого

рой Папуашвили, мирно приготовив на голубом огне натуральный омлет, вдруг ложится головой в духовку... и через длительную паузу встает. Понятно, что это была лишь мысль о самоубийстве, будничная, как завтрак.

Тбилисский театр имени Шота Руставели представил москвичам премьеру «Стикса» Гии Канчели в постановке Роберта Стуруа

нет в музыке Канчели. Вообще эти телесные упражнения мало связаны с музыкой, не будь которой они не имели бы никакой ценности. Большая часть всех этих режиссерских трюков — цитаты из других спектаклей. Так, один из персонажей (все они безымянные) тщательно обнюхивает свои ботинки. То же самое делал у Стуруа Гамлет со своими носками...

Актерские работы нарочито безлики. Люди и тени, все перемешалось. Единственный, кому режиссер позволяет выделиться, — это премьер Театра Руставели Заза Папуашвили. В «Стиксе» ге-

паузы — это единственное, что Стуруа вносит в сочинение своего друга Канчели, которое длится 35 минут, а на сцене оказывается вдвое длиннее. Но эти паузы лишь разрушают эмоционально напряженную атмосферу произведения, которое самодостаточно и не нуждается в инсценировке.

Художникам свойственно задаваться вопросами о душе. Многие великие композиторы написали свой реквием, а знаменитые режиссеры снимали свои лучшие фильмы, напоминая, что Смерть всегда рядом, она следит за нами из-за зеркал, и не всегда бесстра-

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

шно. И не надо искать Ад — он тоже ждет нас там... А в Аду есть Высший Суд, который может осудить самую Смерть за земную любовь. Великий авангардист и ниспровергатель норм общественной морали, поэт, художник, режиссер, сценарист, один из бессмертных членов французской Академии Жан Кокто снял своего «Орфея», один из самых необычных и поэтичных фильмов

в истории кинематографа. А классик немецкого кинематографа Вим Вендерс показал всему миру «Небо над Берлином», где невидимые людям ангелы фланируют по разделенному стеной Берлину, заглядывая в дома, мысли и души его обитателей. Один из них готов променять вечность в раю на любовь акробатки из цирка. И автор фильма задается вопросом: по силам ли небесному созданию

выдержать земные чувства? «Небо над Берлином» стало фильмом-легендой, спровоцировало волну ремейков, сиквелов и клипов, но осталось непревзойденным.

Именно скромным ремейком выглядит спектакль Стуруа, наполненный аллюзиями из тбилисской жизни недавнего прошлого. Где нет света, холодно-голодно, а мужчины заняты только войной...